

СОВЕСТНЫЙ СУД В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ЕКАТЕРИНЫ II (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

N.V.Starikova

CONSCIENTIOUS COURT IN THE JUDICIAL SYSTEM OF EKATERINA II (BASED ON THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с реформированием судебной системы Екатериной II, в частности, автор исследует роль и место Совестного суда как единственного всесословного судебного учреждения. Изучаются не только функции данного судебного органа, но и его общественное значение в свете теории Просвещенного абсолютизма и реальной судебной практики.

Ключевые слова: судебная система, реформа суда, суд, просвещенный абсолютизм, милосердие, воспитание, закон, судебная практика, всесословный характер.

The article discusses issues related to the reform of the judicial system by Catherine II, in particular, the author examines the role and place of the court ashamed, as the sole universal judicial institution. Studied not only the function of this judicial body, but also its social significance in the light of the theory of enlightened absolutism and real jurisprudence.

Keywords: judicial system, the reform of the court, the court, enlightened absolutism, charity, education, law, jurisprudence, classless character.

По губернской реформе Екатерины II в России была создана разветвленная судебная система, в рамках которой в каждой губернии создавалось новое судебное учреждение – Совестный суд. Прототипом данного учреждения можно считать английский суд Справедливости (или суд канцлера) XIV в., который функционировал для получивших свободу крестьян. В конце XV в. Генрихом VII Тюдором был образован особый «Суд для бедных», позднее названный «Палатой прошений». И канцлерский суд, и палата прошений судили бесплатно, принимали решения по «доброй» воле, т.е. по совести судий. Основной принцип этого суда – милосердие – был взят Екатериной на вооружение, о чем свидетельствует программа судебной реформы – знаменитый «Наказ» императрицы и акты, учреждавшие в России Совестные суды.

Ряд статей «Наказа» посвящался правовой системе Российской империи, которую Екатерина попыталась поставить на основу западноевропейского Просвещения. Главы с VIII по X, посвящавшиеся принципам уголовного права и наказаниям, основывались на сочинении «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа: 1) наказания должны соответствовать «природе преступления», 2) наказания должны устрашать не жестокостью, а неотвратимостью, 3) судебный процесс должен основываться на строгом применении законов, 4) человек может считаться преступником только после вынесения обвинительного приговора. На этих же положениях основывалась деятельность Совестного суда.

Глава XXVI «Учреждений для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. также посвящалась Совестным судам. 395 статья учреждала Совестные суды в России: «Понеже личная безопасность каждого верноподданного весьма драгоценна есть человеколюбивому Монаршему сердцу; и для того, дабы подать руку помощи страждущим иногда более по несчастливому какому ни есть приключению, либо по стечению различных обстоятельств, отягчающих судьбу его выше мер им содеянного, заблагорассуждается учредить... в каждом наместничестве по одному суду под названием: совестный суд»[1, с. 274]. Как видно из учреждающего документа, в основу функционирования нового судебного органа были

положены принципы человеколюбия и милосердия, а главной его задачей считалось наказание, направленное не на устрашение, а на «помощь» несчастному и, как видно будет далее, наказание зачастую носило воспитательный характер.

В состав этого суда входили по два представителя от сословий: два дворянина, два купца или мещанина, два поселянина. Таким образом, данное учреждение имело всесословный характер.

К компетенции нового судебного органа относился разбор преступлений, совершенных безумными, малолетними, а также дела «колдунов или колдовства». Статья №397 следующим образом определяет юрисдикцию Совестного суда: «Дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда более по несчастному стечению различных обстоятельств впали в прегрешения... также преступления учененные безумными, или малолетними, и дела колдунов, или колдовства, по елику в оных заключается глупость, обман и невежество...»[1, с. 275]. Приведенный перечень правонарушений, попадающих под юрисдикцию Совестного суда, свидетельствует о том, что еще одной задачей, возложенной на него, являлась попытка «разгрузить» основные судебные органы от массы дел «незначительных» и, тем самым, ускорить процесс судебного разбирательства.

В уголовных делах часто цитируются основные принципы действия данного судебного учреждения, заложенные «Учреждениями для управления губерний»: «человеколюбие вообще», «почтение к особе ближняго, яко человека», «отвращение от угнетения или притеснения человечества»[2].

Дела уголовного характера, рассматриваемые Совестным судом, направлялись туда из других судебных инстанций. Как видно из 397 статьи «Учреждений для управления губерний», это были малозначительные уголовные преступления, правонарушения, совершенные безумными или малолетними, а также преступления против христианской веры, трактуемые как «обман», «невежество» и «суеверие».

Основная масса уголовных преступлений, рассмотренных в Нижегородском Совестном суде, относится к двум последним категориям. Обратимся к преступлениям, классифицируемым статьей 397 «Уложений», как «колдовство» или «суеверие». Данный вид правонарушений был особенно распространен в крестьянской среде. С помощью ворожбы крестьяне пытались излечить людей и домашних животных. Так, крестьянин села Бронского Иван Дулепов лечил лошадей своих односельчан с помощью наговоров на соль. Вера в древние природные силы тесно переплелась в народном сознании с постулатами христианской религии, что отразилось в формулах заговоров, используемых крестьянами. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь. Благослови раба своего (имя) от притки отговорить лошадь такую-то, шерсть и все примети, притка денна и полуночна и утренна и полуутренна, часовая и получасовая, поди ты притка во далече в чистое поле, во далече в чистом поле стоят столы дубовые, на столах стоит еда сахарная и пойла медвяные, не станешь ты притка есть яства сахарные и пойла медвяные, сойдет Михаил-архангел с неба и зарежет тебя и пустит тебя в океан-море, в океан-море положит тебя под бел горяч-камень, засыплет тебя хрящами и занесет тебя песками и во веки веков аминь, аминь, аминь» [2, Л. 1-2]. По данному делу были допрошены соседи крестьянина, сотский и шестидесятский. Все они показали, что Дулепов лечил лошадь от простуды, но колдуном не являлся, а выздоровлению помогли скорее молитвы, чем наговоры на соль. Сам обвиняемый колдуном себя также не считал. В 1814 г. Нижегородский совестный суд приговорил Ивана Дулепова к наказанию через церковное покаяние, дело было направлено в Духовную консисторию [2, Л. 14]. Наговорами и ворожбой занимались не только крестьяне, но и сельские священники. Об этом говорит случай, произошедший в 1832 году в деревне Елховке Васильского уезда, когда после смерти четырех женщин от неизвестной болезни крестьяне донесли в местный земский суд на своего дьякона, о котором ходили слухи, что он может лечить людей посредством наговоров на воду и вино [3]. Интересно, что крестьяне этого села не требовали каких-либо суровых наказаний, а просили лишь оградить их общину от этого дьякона, отослав его в

какой-нибудь другой причт. По данному делу было опрошено более 30 человек, но достаточных доказательств так и не было собрано. Учитывая, что у дьякона Никонова уже было несколько приводов (в 1813 г. за избивание крестьянки, в 1814 г. за оскорбление священника, в 1821 г. за пьянство) Совестьный суд вынес следующий приговор: «По недостатку доводов к явному дьякона Никонова изобличению в ворожбе ... оставить его в сильном подозрении с обязательной подпискою, чтобы он впредь на себя никаких слухов не навлекал, под опасением сугубого наказания» [3, Л. 12]. Вопрос об отстранении от церковной службы был отдан на рассмотрение епархиального начальства.

Решения Совестьного суда по данным преступлениям были особенно милосердными. Суд скорее проводил разъяснительную и воспитательную работу, руководствуясь принципом милосердия и презумпцией невиновности. В 1826 году в нижегородском Совестьном суде слушалось дело по обвинению в чародействе балахнинского мещанина Петра Семеновича Зеленихина, который уговорил крепостного крестьянина Николая Васильева подлить сестре хозяина Софье в еду или питье жидкость из скляночки, обещав заплатить за это сто рублей. Употребив эту жидкость, Софья должна была принять Зеленихина «в услужение». Деньги и склянку с жидкостью Петр Семенович должен был передать Васильеву через его друга крестьянина Свинобаева. Тот же, получив жидкость и расписку о деньгах, отдал их не Васильеву, а своему хозяину, который и заявил обо всем в городской магистрат. Но, так как на допросе Зеленихин все отрицал, и в склянке оказалась простая вода, то на основании второй части, пятой главы, десятом пункте Воинских процессов Петр Зеленихин был отпущен, а дело предано «воле божьей» [4]. Также принципами милосердия и презумпцией невиновности руководствовались судьи и при рассмотрении дел, сопряженных со смертью одного или нескольких лиц. В 1830 году слушалось дело о крестьянине Павле Ларионове. На этого крестьянина в местный земский суд донес староста деревни Акитиной, где проживал Ларионов. Он утверждал, что «Ларионов производил волшебство и порчу людей, от чего в декабре 1829 года умерла женка Маланья Степанова, 5 лет назад девка Прасковья Филипова, а теперь находится в болезни... женка Фекла Яковлева, которая в жару оной болезни ... выкрикивает имя Павла Ларионова, что он ее испортил» [5]. Однако сам Ларионов во время допроса в совершенном преступлении не признался. Его родные подтвердили, что он волшебством не занимался. Крестьяне соседней деревни показали, что не имеют сведений против Ларионова. Прямых доказательств выдвинутого обвинения не нашлось. Для освидетельствования больной Яковлевой был вызван доктор. Однако к его приезду женщина уже умерла, поэтому причину ее болезни установить не удалось. За неимением достаточных доказательств вины Нижегородский Совестьный суд вынес следующий приговор: «Как из дела видно, что крестьянин Ларионов в чинении волшебства не признался, и никаких к признанию его ни от кого доказательств не представлено. Хотя сын его утверждает, что он производит отговоры бывшей в скоте болезней притки, каковые его отговоры ни к чему оному причесть нельзя, как глупости и невежеству... Ларионова от суда и следствия освободить и подтвердить ему, чтобы он впредь никаких отговоров не делал под опасением строгого наказания» [5].

Однако на приговор мог повлиять ряд отягчающих обстоятельств. В деле о крестьянине Шурыгине решающим фактором было мнение о нем среди односельчан. Донес на него крестьянин, который видел у Шурыгина тетрадь с заговорами. Первые листы были списаны с раскольничьих книг, в них говорилось о запрещении употребления чая, табака, кофе и картофеля. Заговоры содержали обращение к Богу, Богородице, апостолам и воззвания к разным предметам. Судьи отнесли эти заговоры к невежеству Шурыгина и определили, что вреда этим он никому не нанес. Однако негативное мнение односельчан – «в церковь он давно не ходил и хотел воспользоваться заговорами для собственной выгоды» – способствовало расцениванию данного проступка как нарушения благочиния. Вследствие чего крестьянина приговорили к заключению в «смирительный дом» на 6 месяцев [6].

Очевидно, что Совестьный суд, вынося приговор по таким правонарушениям, основывался на принципах, изложенных в «Наказе» и «Учреждениях для управления

губерний», выполняя функцию звена, разгружающего остальные органы судебной системы, созданной Екатериной II.

Как уже отмечалось выше, значительную долю рассматриваемых Совестным судом правонарушений составляли уголовные преступления совершенные несовершеннолетними. Изученные нами дела данной категории – это обвинения в умышленном и совершенном по неосторожности поджоге домов, краже денег или имущества, убийстве или причинении увечий по неосторожности, соучастию в убийстве, укрывательстве преступника, бродяжничестве.

За данные преступления, согласно «Уставу благочиния» от 1782 г., предусматривалось строгое наказание (разное количество ударов кнутом, клеймение, тюремное заключение, ссылка и каторга). Однако Совестный суд, руководствуясь принципом того, что наказание должно не устрашать, а воспитывать, рассматривал как смягчающее обстоятельство малолетний возраст преступников и наличие у них умысла.

В 1808 г. в Нижегородском Совестном суде слушалось дело по обвинению дворовой крестьянки надворного советника Филонова Ильиной в поджоге дома титулярного советника Богданова [7]. 12-летняя Марфа Ильина была отдана в дом П.Н. Богданова для обучения шитью. Перед Пасхой на страстной неделе ее отпустили погостить к матери. Девочка рассказала родне, что учиться ей сложно и иногда ее бьют. Тогда ее дядя Иван Матвеев посоветовал, когда будет плохо, положить под крышу уголек. После очередного наказания Марфа Ильина вспомнила совет своего дяди и положила под крышу уголек из раздуваемого самовара. Однако большого пожара не случилось, т.к. Марфа была замечена за этим преступлением. Через некоторое время девочка повторила попытку, но снова неудачно. В ходе расследования были проведены допросы Марфы Ильиной, ее матери и дяди. Последние отказались от показаний девочки и своей вины не признали. Нижегородский Совестный суд определил, что «Марфа Ильина никем подучаема не была, а учинила оные зажигательства самопроизвольно», и, несмотря на то, что обычное наказание за умышленный поджог – это «...наказание кнутом, вырезание ноздрей, поставление литерных знаков, заклепание в кандалы и ссылка в каторжную работу», суд вынес определение, что Ильина «чинила сии зажигательства не из злобы... а по глупости», а также ввиду малолетства Ильиной и непричинение ущерба, назначить наказание – 20 ударов розгами, отдать ее хозяину (Филонову) под надсмотр [7, Л. 8]. Таким образом, мы видим, что в качестве смягчающих обстоятельств выступал не только возраст, но и отсутствие корыстного умысла, «глупость» преступницы.

Довольно часто встречаются дела о краже несовершеннолетними, как, например, «Дело по обвинению крестьянских детей Степанова и Иванова в краже у крестьянина Алексеева из амбара ржи» 1811 г. [8]. Как видно из материалов дела, 16-летний Алексей Степанов и 13-летний Яков Иванов гвоздем взломали висячий замок амбара и украли ржи на 3 рубля. Кража из-под замка, из запертого помещения считалась отягчающим обстоятельством. Однако сумму украденного малолетние преступники потерпевшему возвратили. В связи с этим Совестный суд приговорил их к работе на нижегородской суконной фабрике, учрежденной при приказе общественного призрения, до тех пор, пока каждый не заработает по 3 рубля и 6 процентов свыше в пользу работного дома [8, Л. 2]. Таким образом, гуманность вынесенного приговора заключалась в том, что подростки избежали сурового телесного наказания. Однако заключение в работный дом до возмещения ущерба – достаточно тяжелое наказание, т.е. оно зависело также от благорасположенности судьи и заседателей. Также строго наказывалась кража церковного имущества, т.к. она расценивалась как святотатство. Это видно из «Дела по обвинению звонаря кафедрального Спасопреображенского собора Федора Дружинина в срезании в оном соборе с образа Божьей матери нитки с жемчугом» 1811 г. [9]. Федор Дружинин, которому было 16 лет, украл нить с мелким жемчугом, чтобы купить себе сапоги. Однако хозяин дома, где жил звонарь, донес о совершенном преступлении. Согласно законам Федора должны были бить кнутом, вырвать ноздри и отправить в ссылку или на каторжные работы. Однако судьи учли в качестве

смягчающего обстоятельства малолетний возраст преступника и «дабы тем не отяготить судьбы его выше мер им содеянного, а следуя изображенным того же учреждения в 397 статье милосердным и человеколюбивым правилам, полагает наказать Дружинина плетьюми дав пятнадцать ударов... отослать в Оренбург для определения в горный департамент на казенную фабрику или в военнорабочие... а в случае неспособности сослать на поселение» [9, Л. 6]. Как можно видеть из вынесенного приговора, несмотря на смягчающее обстоятельство и провозглашенный Совестным судом принцип милосердия, наказание было значительным и даже суровым.

В большинстве случаев наказания, вынесенные Совестным судом за кражу и поджоги, сводилось к ударам розгами или плетьюми от 10 до 40 и отправке по месту жительства под надсмотр родственников и местного начальства. Некоторые дела (например, о прелюбодеянии) дополнительно отправлялись в духовную консисторию, где на виновного налагалась епитимья.

Отдельную категорию правонарушений, рассматриваемых Совестным судом, составляли преступления, совершенные умалишенными. Типичным является «Дело по обвинению... крестьянина Прокофья Васильева в зарезании им в помешательстве ума жены своей Агафьи Сергеевой» 1828 г. [10]. На допросе крестьянин сознался в совершенном преступлении и рассказал, что был зол на свою жену, но за что – не знает. Васильев стал ругать Агафью, когда та находилась на жатве, а когда они возвращались в деревню, зарезал ножом в горло. Причин случившегося крестьянина назвать не может, поскольку не осознавал, что делал. По этому делу были опрошены односельчане Васильева в количестве 50 человек, которые дали ему положительную характеристику, отмечая, однако, что им случалось видеть его в помешательстве. Еще до суда Васильева поместили в сумасшедший дом, где врачи зафиксировали наличие у подсудимого «меланхолических припадков и кружения головы» [10, Л.6]. В результате крестьянин был приговорен Совестным судом к содержанию в сумасшедшем доме до полного выздоровления, после чего его следовало отправить на прежнее место жительства, наложив епитимью.

Близкими по степени умысла и оценке судьями были преступления, совершенные по неосторожности. Так, в 1808 г. в Нижегородском Совестном суде рассматривалось «дело крестьян Трифона Ларионова и Бориса Осипова», которых обвинили в убийстве по неосторожности 7-летней девочки. На допросе крестьяне рассказали, что во время празднования Ильина дня Ларионов показал Осипову ружье. Последний нечаянно ударил прикладом об пол. Ружье оказалось заряженным и выстрелило, пуля, видимо, рикошетом попала в девочку. Суд учел, что умысла у крестьян не было, кроме того, они имели положительные характеристики от односельчан и старосты, и вынес приговор, согласно которому на крестьян Осипова и Ларионова налагалось церковное покаяние, а дело направлялось в духовную консисторию.

Кроме перечисленных в 397 статье уголовных преступлений, Совестными судами рассматривались иски частных лиц в основном по семейным делам: споры о наследстве, взаимоотношения между детьми и родителями и т.д. Главной целью суда в такого рода делах было примирение сторон [1, с. 275]. В 1806 г. в Нижегородском Совестном суде рассматривалось «дело по просьбе титулярного советника Александра Соколовского о усовещении брата его регистратора Павла Соколовского к отдаче следующей по повелению покойного его родителя из жилья части» [11]. Учитель Нижегородского Главного Народного училища Александр Соколовский обратился в Совестный суд с просьбой заставить младшего брата Павла Соколовского выделить долю в наследстве недвижимого имущества после смерти отца не по письменному завещанию, а согласно его устному волеизъявлению, сделанному им перед смертью при свидетелях. В тот же день Павел Соколовский был извещен о прошении брата и призван судом к примирению. «Учреждения для управления губерний» предусматривали следующие варианты примирения: 1) простое примирение без посредников; 2) с участием и при помощи посредников в количестве одного-двух человек.

На второй или третий день после назначения посредников назначалось заседание суда [11]. Рассматриваемое нами дело решалось без посредников.

Решения Совестного суда по частным искам должны были соответствовать следующим принципам: 1) «доставить обеим сторонам законную, честную и безбедную жизнь», 2) «злобы, распри и ссоры прекратить», 3) «доставить каждому ему принадлежащее», 4) «облегчить судебные места примирения спорящих лиц» [1, с. 275]. Решение обязательно скреплялось подписью посредников, после чего истец и ответчик теряли право апелляции.

Однако если одна из сторон отказывалась от рассмотрения дела в Совестном суде, суд был вынужден закончить дело, взяв со стороны письменное объяснение [1, с. 276]. Дело о наследстве братьев Соколовских закончилось письменным объяснением Павла Соколовского, в котором говорилось, что никакого устного волеизъявления отца не было, а он (Павел) согласно письменному завещанию является единственным наследником имения. В связи с этими обстоятельствами явится в Совестный суд и рассматривать там это дело он отказывается [1, с. 276]. Основываясь на статье 400 «Уложения...», дело закрыли и передали в архив.

Споры между родственниками не всегда предполагали примирение сторон. В 1838 г. Герасим Сорокин по иску своей матери был наказан заключением в смиренный дом на месяц за непослушание и непочтительное поведение по отношению к родительнице [11, Л.4]. Решающую роль в вынесении такого приговора сыграла просьба матери и повторное обращение в суд из-за непочтительного обращения сына с родителями.

Частные лица могли также обращаться в Совестный суд по вопросам о нарушениях процессуального характера. Об этом говорилось в статье 401 «Учреждений». Всякий гражданин, заключенный в тюрьму и не допрошенный в течение трех дней, имел право подать жалобу в Совестный суд, если не обвинялся в тяжком преступлении. Арестанта должны были доставить на заседание Совестного суда с объяснением о причинах задержания и отсутствия допроса. Решение этого суда должно было исполняться незамедлительно, в противном случае на судебное учреждение, в котором содержался арестант, накладывался штраф [12, с. 277].

Как видно, рассмотрению Совестных судов принадлежал не широкий, но достаточно интенсивный спектр уголовных преступлений, а также семейных споров. Все дела, рассмотренные Нижегородским Совестным судом можно классифицировать следующим образом: преступления, совершенные несовершеннолетними; уголовные преступления, совершенные умалишенными; преступления, совершенные по неосторожности; малозначительные уголовные преступления; религиозные преступления о колдовстве; нарушения процессуального характера; частные иски (чаще всего по семейным вопросам), целью которых было примирение сторон.

Таким образом, можно заключить, что работа Нижегородского Совестного суда была достаточно плодотворной. Из года в год количество решенных Нижегородским Совестным судом дел росло. Так, за 1808 г., согласно протоколам, было рассмотрено 20 дел, а за 1847 г. – 61 дел [13]. Одну из возложенных на него Екатериной II задач – разгрузка других судебных мест – Совестный суд все же решил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учреждение для управления губерний, 1775, ноября 7 // Российское законодательство X-XX веков. Т. 5 – М., 1987. – С. 274.
2. ГУ ЦАНО, Ф. 135. Оп. 121а. Д. № 40. Л. 1-2.
3. ГУЦАНО, Ф. 133. Оп. 121. Д. № 111.
4. ГУ ЦАНО, Ф. 133. Оп. 121. Д. № 77.
5. ГУ ЦАНО, Ф. 133. Оп. 121, Д. № 101.
6. ГУ ЦАНО, Ф. 133. Оп. 121, Д. № 302.
7. ГУ ЦАНО, Ф. 133, Оп. 121а. Д. № 17.

8. ГУ ЦАНО, Ф. 133, Оп. 121а. Д. № 2.
9. ГУ ЦАНО, Ф. 133, Оп. 121а. Д. № 19.
10. ГУ ЦАНО, Ф. 133, Оп. 121а. Д. № 88.
11. ГУЦАНО, Ф. 133. Оп. 121. Д. № 4.
12. ГУ ЦАНО, Ф. 133, Оп. 121. Д. № 136.
13. ГУ ЦАНО. Ф. 133. Оп. 121. Д. № 211.

© Старикова Н.В., 2013